

**МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА
И КРАНИОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ КАРЕЛИИ
(МОГИЛЬНИК АЛОЗЕРО)**

Погребальные памятники позднего средневековья и исторического времени, в отличие от более ранних объектов, не входили в приоритетную сферу археологического изучения Северной Карелии. Вместе с тем «поздние» памятники могут быть ценным источником для исследования истории заселения Карелии, процессов формирования антропологического состава карельского народа.

Так, известна гипотеза Д.В. Бубриха о том, что карельское население начало в массовом порядке переселяться на территорию современной Северной Карелии только во второй половине XVII в. Тогда, после поражения России в войне со Швецией, с Карельского перешейка на север (и на восток — под Тверь и Тихвин) ушло практически все православное население. До проникновения карел на север здесь, в «лопских погостах», проживало население, родственное современным саамам [Бубрих 1971].

Антропологические особенности карел и саамов хорошо изучены на сериях черепов XIX — нач. XX в. Эти материалы показали существенную разницу между антропологическими типами, преобладающими в составе обоих народов [Хартанович 1980, 1986, 1990, 1991, 1995, 2004, 2005]. В результате исследований последних лет получены первые данные по антропологии средневекового населения Северо-западного Приладожья (могильник XIV–XV вв. Кюлялахти Калмистомяки) — предполагаемой прародины переселенцев в северную Карелию [Бельский, Лааксо 2008]. Они выявили чрезвычайное сходство антропологических характеристик средневековых жителей Приладожья и близких к современности — Северной Карелии [Хартанович, Ширококов, 2008].

Таким образом, серии черепов эпохи позднего средневековья с территории Северной Карелии могли бы дать антропологическую характеристику населения региона этого исторического периода, ответить на вопрос об антропологическом сходстве и различиях позднесредневековых северокарельских групп с близкими к современности карельскими и саамскими, средневековой из Северо-западного Приладожья.

Однако археологические раскопки позднесредневековых погребальных памятников Карелии проводились редко и только в процессе спасательных работ. Это городское кладбище Олонца (начало XVII в.) и два сельских могильника в Северной Карелии: д. Старая Костомукша (конец XVIII — нач. XIX в.) и д. Алозеро (XVII–XIX вв.). Для нас наибольший интерес представляет последний объект. Он наиболее северный из изученных и единственный, из которого были получены палеоантропологические материалы.

Могильник Алозеро обнаружен в 1994 г. финляндским этнографом Х. Рюткеля (музей г. Кайнуу, Финляндия) на северном берегу озера Юляярви, в 18 км к югу от п. Калевала, или в 1,2 км к востоку от окраины д. Алозеро. По отношению к д. Алозеро памятник расположен «за водой», так как отделен от нее проливом между озерами Аляярви и Юляярви. Памятник занимает западный участок единственного на озере песчаного мыса, примыкающего к каменистому

озу. Его площадь определена в 800 кв.м., но приблизительно треть могильника уничтожена колебаниями уровня водоема. Высота сохранившейся части над водой — 4–5 м. На поверхности были отмечены семь невысоких «каменных куч» (высота 0,5 м, диаметр 1,2–1,5 м. Одно раскопанное каменное сложение оказалось остатками железодельательной домницы начала XIX в. Отчетливые следы надмогильных сооружений — холмики, деревянные «домовины», кресты — не наблюдались.

В 1997 и 2005 гг. археологическая экспедиция Карельского государственного краеведческого музея провела на памятнике спасательные раскопки [Шахнович 2000]. Общая площадь зоны археологического исследования составила 48 кв.м при мощности слоя до 1,5 м. В 1999, 2004 и 2005 гг. в полевом изучении могильника принял участие Северо-европейский палеоантропологический отряд МАЭ РАН, специалисты-антропологии ИАЭ РАН [Шахнович, Хартанович 2002]. Всего было исследовано 39 неразрушенных погребений, собран многочисленный переотложенный остеологический материал с разрушенных участков.

По находкам нательных крестов и фрагментов чернолощеной керамики время существования могильника определено концом XVII — началом XIX в. Кроме этого были обнаружены артефакты (кварцевые отщепы, фрагмент грубой лепной керамики), которые позволяют считать, что могильник разрушил стоянку каменного века. Финский этнограф С. Ювелиус в конце XIX в. отмечал, что из д. Алаярви происходят находки каменного века («долота Укко»), а по берегам есть «оленьи и лопарские могилы, следы чумов» [Juvelius 1889].

Стратиграфическим маркером верхней границы могильника служили погребения, верхний уровень которых находился на уровне 0,3–0,5 м от дневной поверхности. В горизонтальном плане погребения располагались очень близко одно от другого, иногда перекрывая друг друга на разных вертикальных уровнях в случае, когда более поздние погребения нарушали более ранние. Вместе с тем отмечается сохранение промежутков в 0,5–1 м между могилами одного стратиграфического уровня.

Было зафиксировано большое количество разрозненных костей в засыпке ряда могил, что также свидетельствует о разрушении ранних погребений поздними. Костные останки из разрушенных погребений в ряде случаев подкладывались в более поздние или с северной стороны от гроба, или поверх крышки.

Тела умерших были положены в прямоугольные ящики-гробовины, сделанные из «топорных досок». Костяки располагались в вытянутом положении, на спине, ориентированные в направлении юго-запад — северо-восток, головой на юго-запад. Крепление досок проводилось без использования железных гвоздей, путем связывания досок берестяными ремешками, постоянно находимыми при зачистке погребений. Кроме использования берестяных ремешков, продетых через специальные отверстия в досках, способ соединения частей гробовины с помощью гвоздей отмечен только один раз. Фиксируется деревянное «дно» и «крышки» у гробов. Доски «крышки» не всегда полностью накрывали гроб, а состояли из нескольких продольных досок-жердей. Сверху конструкции закрывались по всей площади крышки ровными кусками бересты (шириной 0,4–0,5 м), уложенными поперек длинной оси гробовища. Концы берестяных кусков заходили за края гроба или опускались вниз по стенкам с загибами под его дно.

Из-за деформации деревянных досок ни в одном случае не удалось выяснить, соединялись ли «стенки» с «дном» сверху или сбоку.

В нескольких случаях отмечены органические подстилки для погребаемых (мох, солома, еловые ветки). Дети до двух лет хоронились без гробов, завернутые в бересту. В изголовье трех погребений детей было установлено по два камня.

В восьми случаях на ногах погребенных обнаружена разной степени сохранности кожаная обувь типа тапок без голенищ и подметок. Кожаные изделия и части деревянных конструкций сохранялись лучше, если были прикрыты сверху берестой. Остатки одежды (кроме шерстяных носков) не сохранялись.

Погребальный инвентарь представлен минимально. Крестов-тельников в 39 погребениях найдено девять (один крест на 20 погребений в раскопе 2005 г., восемь крестов на 19 погребений в 1997 г.). Другие находки — сломанное железное тесло, шесть кованых гвоздей. Керамика (шесть экз.) представлена двумя типами от двух экземпляров «кухонных» мисок. Первый тип — чернолощенная «московская» керамика, являющаяся скорее всего производством керамической мастерской Соловецкого монастыря. Второй — «местная», сделанная вручную, не на гончарном круге, тонкостенная, с волнистым краем и без орнаментации.

В раскопе 2005 г. были зафиксированы непосредственно под слоем дерна остатки соснового сруба, установленного на «древнюю» поверхность. Полностью уцелело основание восточной стены (длиной 2,3 м); частично, с хорошей сохранностью древесины — южной стены — 1,45 м (срезана краем обрыва), и прослеживается на длину 0,5 м легкий древесный тлен от северной стенки сруба. Ориентировка данной конструкции и погребений совпадает: юго-запад — северо-восток. Хорошо видна угловая перпендикулярная «перевязка» нижних бревен сруба в юго-восточном и северо-западном углах. В юго-восточном углу конструкции сохранились два деформированных венца. Древесный тлен от бревен по вертикали сильно уплощен (толщина 0,07 м), но с лучшим сохранением диаметра деревьев в горизонтальной плоскости — 0,18–0,2 м. Отсутствие следов возможного пожара указывает на то, что деревянное сооружение разрушилось «за ветхостью» и не было восстановлено.

Практически на дневной поверхности, под юго-восточным углом сруба, находились останки младенца 1–1,5 лет, завернутые в ткань. Под остатками сруба, на глубине 1,4 м от дневной поверхности, находились захоронения мужчины и женщины, старше 55 лет. Сруб можно рассматривать как остатки часовни XIX в., размещенной над ранними погребениями кладбища. Но, возможно, это часть семейного «домика мертвых». Подобные «домовины», «домики мертвых» (деревянные надмогильные поверхностные сооружения из досок или бревен в два-три венца с крышей), и сейчас можно встретить на северокарельских погребальных памятниках XIX — нач. XX в.

На большинстве православных деревенских некрополей Карелии участок кладбища обычно огорожен каменной оградой из валунов или деревянной изгородью. На исследованном могильнике никаких следов специально возведенной ограды не обнаружено. Вполне вероятно, что на могильнике Алозеро полоса крупных валунов, являющихся естественным природным выходом по гребню оза, могла рассматриваться местными жителями как символическая «ограда»,

ограничивавшая могильник с севера (с юга могильник ограничивался береговой линией оз. Алозера).

Всего из исследованных 39 погребений получено 24 черепа с костяками разной степени сохранности — семь детских и подростковых в возрасте от 1 до 15 лет, десять мужских, семь женских. Собранные краниологические материалы из могильника поступили на постоянное хранение в МАЭ РАН и зарегистрированы под № 7331.

И мужские, и женские черепа из Алозера имеют в целом довольно значительные продольные и поперечные диаметры. Они массивны, с хорошо выраженным костным рельефом. Черепная коробка мезокранна по указателю, очень высокая как по высоте от базиса, так и по высоте от порионов. При не длинном, но широком черепе высотно-продольный указатель имеет скорее большую величину, высотно-поперечный — среднюю. Лоб широкий, наклонный. Лицевой скелет средней высоты, широкий, при узком грушевидном отверстии. Длина основания черепа средняя, лица — значительная, а их соотношение свидетельствует о мезогнатности черепов из Алозера, как и величины общего и среднего лицевых углов. Лицевой скелет на уровне точки назия несколько упрощен, на уровне точки субспинале клиногнатен. Переносье и носовые кости высокие, нос к линии профиля выступает очень сильно.

Таким образом, все карельские, включая и алозерскую, серии черепов имеют такие общие черты, как очень высокая, мезо-брахикранной формы черепная коробка со средними продольными и значительными поперечными диаметрами. Лицевой скелет средневысокий, мезогнатный, весьма широкий в одних (северо-карельских) группах и более узкий в других — из средней и южной Карелии. Вполне отчетливо проявляется на всех карельских материалах и крайне своеобразное сочетание ослабленной (по европейским масштабам) профилировки лица на уровне точки назия с его выраженной клиногнатностью — на уровне точки субспинале, резко выступающим носом [Хартанович 1986].

Средние показатели вновь полученных позднесредневековых краниологических материалов из Алозера не выходят за рамки вариаций одного, общего для всех карельских серий (включая черепа XIV — XV вв. из Кюлялахти), антропологического типа. Более того, основные характеристики черепов из Алозера практически идентичны таковым на черепах из д. Чикши, из Кюлялахти [Хартанович 1986; Хартанович, Ширококов 2008]. Все их основные параметры чрезвычайно сходны. Близость краниологических комплексов этих серий черепов, по всей вероятности, является следствием генетической преемственности оставшегося памятника населения.

Особо следует отметить, что группы из Северо-западной Карелии (включая черепа из Алозера), в отличие от близких к современности южных групп, имеют очень большой скуловой диаметр. И в целом краниологический комплекс именно северо-карельских черепов представляется наиболее «архаичным» — сходным с тем, что был распространен в прибалтийском ареале в мезо-неолитическую эпоху [Денисова 1975, 1977; Хартанович 1986, 1991], присутствует у средневековой «корель» [Хартанович, Ширококов 2008].

Между тем северные карелы наиболее резко отличаются по комплексу краниологических признаков от саамов Фенноскандии и Кольского полуострова, у которых преобладают совершенно иные черты «лапоноидного» антропологиче-

ского типа. На территории Карелии не наблюдается и меридиональный градиент постепенного нарастания «лапоноидных» особенностей в направлении с юга на север. Такой градиент можно было бы ожидать в случае постепенной длительной инфильтрации населения из более южных земель Карельского перешейка на территорию современной Карелии, ранее заселенную саамами, что сопровождалось метисацией пришлых и местных жителей.

Наши материалы скорее подтверждают гипотезу о том, что карелы в течение достаточно небольшого исторического времени продвинулись далеко на север. Причем именно в северных, географически изолированных районах до последнего времени у карел сохранялся крайне специфичный антропологический тип, в древние эпохи характерный для населения восточно-балтийского ареала.

Библиография

Бельский С.В., Лааксо В. Результаты полевых исследований Карельского археологического отряда МАЭ РАН на могильнике Кюлялахти Климистомяки в Северо-западном Приладожье (археологический аспект) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН. СПб., 2008.

Бубрих Д.В. Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971.

Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975.

Денисова Р.Я. Этногенез латышей (по данным краниологии). Рига, 1977.

Шахнович М.М. Могильник Алозеро — памятник начала XVIII века в Северной Карелии (по материалам раскопок) // Беломорская Карелия: история и перспективы развития. Петрозаводск, 2000.

Шахнович М.М., Хартанович В.И. Православие в Северной Карелии по данным археологии и антропологии // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск. 2002. Вып. 4.

Хартанович В.И. Новые материалы к краниологии саамов Кольского п-ова // Сб. МАЭ. 1980. Т. XXXVI. С. 35–47. (Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР).

Хартанович В.И. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской Части СССР. Л., 1986.

Хартанович В.И. К краниологии населения северо-западного Приладожья XIX — начала XX в. // Балты, славяне, финны. Этногенетические процессы. Рига, 1990.

Хартанович В.И. О взаимоотношении антропологических типов саамов и карел по данным краниологии. // Происхождение саамов. М., 1991.

Хартанович В.И. Материалы к краниологии финнов // Антропология сегодня. СПб., 1995. Вып. 1.

Хартанович В.И. Новые краниологические материалы по саамам Кольского полуострова // Палеоантропология, этническая история, этногенез: Сборник к 75-летию И.И. Гохмана. СПб., 2004.

Хартанович В.И. Антропологический состав карельского народа (общность и специфика территориальных групп как результат межэтнического взаимодействия) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005.

Хартанович В.И., Ширококов И.Г. К антропологии средневекового населения Северо-Западного Приладожья (предварительный анализ материалов из могильника Кюлялахти Калмистомяки) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН. СПб., 2008.

Г.А. Хлопачев, М.В. Саблин

ЯМЫ С КОСТЯМИ МАМОНТА ЮДИНОВСКОЙ СТОЯНКИ (По материалам полевых исследований 2006–2007 гг.)

Работа выполнена при финансовой поддержке
РФФИ (№ 09–06–00282–а)

В 2006–2007 гг. в ходе работ Деснинской палеолитической экспедицией МАЭ РАН (руководитель Г.А. Хлопачев) на Юдиновском палеолитическом поселении в его западной части были открыты и исследованы большая хозяйственная яма с костями мамонта и обширная западина, заполненная многочисленными костями различных животных.

Хозяйственная яма располагалась на квадратах К-65, И-65 и И-64 в девяти метрах к западу от «жилища» № 4, находящегося в музейном павильоне (рис. 1). Она имела округлую форму и котлообразный профиль, диаметр 1,5 м и глубину 0,45 м (рис. 2). Яма была вырыта в лессовидном суглинке. Ее заполнение выполнено рыхлой, тонко отмученной лессовидной супесью, которая по цвету не отличалась от лессовидного суглинка. На дно ямы была уложена нижняя челюсть взрослого мамонта зубами вниз, а ее симфиз направлен на юг. Челюсть лежала горизонтально. Между ее правой и левой ветвями, тоже в горизонтальном положении, располагалась правая тазовая кость взрослого мамонта. Ее суставное отверстие направлено на восток, а гребень смотрел на юг. Поверх тазовой кости в яме размещался правый бивень не крупного взрослого мамонта. Он был уложен своей верхней поверхностью вниз, проксимальным концом вглубь ямы. Его дистальный конец ориентирован на юго-восток. Бивень не прилегал вплотную к тазовой кости, между ними имелся небольшой, около 4 см, зазор.

К востоку от гребня тазовой кости, почти вплотную к ней, прилегал залегающий горизонтально фрагмент лопатки мамонта. К востоку от правой ветви нижней челюсти мамонта находилась дистальная часть правой малой берцовой кости не крупного мамонта. Она располагалась под углом 45°, эпифизом вверх. К западу от тазовой кости была помещена почти целая правая лопатка взрослого мамонта. Ее головка располагалась между суставами правой и левой ветвей челюсти. Лопатка лежала на вентральной поверхности и перекрывала левую ветвь челюсти мамонта. К югу от дистального конца лопатки размещалась крупная запястная кость мамонта, а в 11 см к западу от нее — крупное правое ребро мамонта, длиной 55 см. Ребро лежало суставной поверхностью к лопатке, а ее противоположный конец был направлен на северо-запад.

Вблизи восточного борта ямы располагался фрагмент эпифиза плечевой кости взрослого мамонта (длина 25 см). Его суставная поверхность обращена на север. Вдоль восточного борта ямы, к северу от лопатки и на 18 см выше ее головки, залежала двумя вплотную налегающими друг на друга рядами группа из 10 фрагментов крупных костей мамонта (фрагменты ребер, фрагмент плоской